

Майя Герман

БЕЗ ПРАВА ВЕРНУТЬСЯ 2

НАВСТРЕЧУ СТРАХУ

18+

Без права вернуться

Майя Герман

**Без права вернуться
НАВСТРЕЧУ СТРАХУ**

«Автор»

2026

Герман М.

Без права вернуться НАВСТРЕЧУ СТРАХУ / М. Герман —
«Автор», 2026 — (Без права вернуться)

Четыре года я восстанавливала свою жизнь, наполняя ее новыми смыслами. Но болезненное прошлое упорно отказывалось растворяться во вчерашнем дне, возвращаясь ранящими воспоминаниями. А еще лицо моего сына... Чем взрослее он становился, тем отчетливее проступали черты его отца, человека, который пытался присвоить мою жизнь. Весть, полученная из телефонного звонка от брата-близнеца моего обидчика, ударила наотмашь: Халид при смерти. Басел напомнил о моем долге за свободу и попросил об ответной услуге — привезти сына в Иорданию, чтобы его брат мирно упокоился, зная, что род продолжится. Я не могла с этим спорить по своим моральным соображениям и отправилась в дорогу навстречу собственному страху. Восточный особняк встретил новой войной. Настя, жена Халида, претендующая на наследство в случае его смерти, оказалась сокрушена появлением тайного наследника. На кону миллионы, и она готова на всё, только не делиться. Сможет ли мать защитить себя и своего ребенка, когда на них объявлена охота?

© Герман М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Майя Герман

Без права вернуться НАВСТРЕЧУ СТРАХУ

ПРОЛОГ

«Мне безумно страшно...

Я крепко прижимаю к груди маленького Самира. Водитель, словно одержимый, мчится на бешеной скорости по крутому горному серпантину. В какой-то момент он теряет управление, и джип начинает разворачивать. Я вижу, как мужские руки судорожно выкручивают руль в противоположную сторону, пытаюсь удержать автомобиль на узкой дороге, но нас уже несёт юзом. Под оглушительный визг заблокированной резины меня с сыном швыряет по всему заднему сиденью. Я отчаянно пытаюсь сгруппироваться, накрывая его своим телом. А в следующее мгновение колёса теряют опору, и машина срывается под уклон...»

Меня тут же выкидывает из сна. Снова...

Ещё нет и четырёх часов утра, а я уже сижу на постели и судорожно хватаю воздух ртом. Сердце бешено колотится. Этот сон преследует меня вновь и вновь ночными кошмарами долгие годы. Конечно, всё уже давно пережито, но ничего не забыто. Я слишком хорошо помню день, когда мы с сыном чудом остались живы. Как «сувенир» до конца моих дней от тех страшных событий мне достался сложный перелом ноги, который все эти годы напоминает о себе ноющей болью на непогоду.

Что ж, буду вставать, знаю ведь, что больше не усну. Прогуляюсь по предраассветному саду, пока дома все крепко спят. Обычно это помогает мне унять дрожь. Боже... какая же волшебная тишина... Лишь птицы негромко допевают свои ночные серенады. Пройдусь-ка я неспешно по дорожкам, подышу сладким ароматом белого жасмина, полюбуюсь нашими подросшими оливковыми деревьями и красотой цветущей бугенвиллеи.

— Привет, мои цветочки! Привет, мои красивые! Как вы переночевали? Вы всегда радуете глаз и успокаиваете моё тревожное сердце... Какое же сегодня тяжёлое, багровое зарево... Снова будет знойный день. Нужно обязательно сказать садовнику, чтобы до начала жары включил автополив.

Ладно... Пойду в дом. Вот она — моя прекрасная жизнь, хоть и преподала она мне, в своё время, ох как много уроков. Сколько непростых задач поставила, сколько тяжёлых решений подвела принять, сколько всего осознать, а в какие-то моменты буквально переродиться заново. И сейчас, глядя из окна домашнего кабинета на первые лучи восходящего солнца, я хочу продолжить свою сакральную исповедь блокноту и чернилам. Поведать до конца то, что произошло дальше со мной и моим маленьким Самиром...

Когда тем осенним вечером 2004 года

Басел глухим голосом сообщил, что его брат умирает, у меня, конечно же, был выбор. Я могла отпустить Халида в мир иной и не показывать ему сына. Остаться дома, в безопасности, абстрагироваться от этих людей и от чужой беды. Или же поступить иначе. Набраться храбрости, прийти и посмотреть своему обидчику в глаза. Возможно, простить... Если смогу... А после — навсегда закрыть для себя эту тему. Вырвать из своей души ту обиду и фобию, что терзали меня долгие четыре года в Москве.

Я колебалась, меняла решения. Но потом, наконец, поговорив с собой честно, поняла, что подсознательно всё это время жила в ожидании подходящего случая. Ждала возможности вернуться в то место, к тем людям, в те ощущения, но в этот раз оказаться сильнее всего этого... Душа жаждала сатисфакции. Но больше всего я не хотела брать грех на душу...

*Лишить сына и отца их единственно возможной, первой и последней встречи. Я сделала этот выбор, чтобы в будущем мне не пришлось держать ответ ни перед Богом, ни перед Самиром. Когда решение было принято, уклад моей жизни вновь переменился. Связавшись с Баселом, я обговорила все моменты и принялась собираться в дорогу — **НАВСТРЕЧУ** собственному **СТРАХУ**.*

Глава 1

— Подруга, уже одиннадцать вечера. Нам через пять часов выезжать, — Зоя тихонько прикрыла дверь в детскую и устало опустилась на диван. — Нужно хотя бы три часа поспать перед дорогой. Самирка наконец-то уснул. До чего же он любит, когда его гладишь по щёчке, — засыпает буквально за пять минут.

— Спасибо, Зой, что помогла уложить его, — отозвалась я, не отрываясь от сборов. — Я уже почти закончила. Вот, осталось только аптечку собрать, беру всё самое необходимое. Мало ли что может случиться в чужой стране.

Зоя растерянно округлила глаза:

— Ой... а я об этом даже не подумала.

— Не переживай, я всё предусмотрела: взяла обезболивающее, жаропонижающее, средства для желудка и спреи для носа и горла. Базовый набор у нас с собой. Ну а если понадобится что-то посерьёзнее — Басел достанет, он ведь врач.

Это имя соскользнуло с моих губ слишком легко, но внутри, где-то глубоко в груди, привычно отозвалось мимолётным уколом. Басел... Человек, который вытащил меня из ада.

Зоя уловила какую-то внутреннюю вибрацию в моём голосе и лукаво прищурилась:

— Басел... Слушай, Агат, а он до сих пор холост?

— Да откуда же я знаю, Зоя? — я удивлённо повернулась к ней. — Мы пока не говорили об этом. А почему ты спрашиваешь?

— Да так, просто... Помню, ты рассказывала, что он вдовец. Ну мало ли... вдруг моё девичье сердце дрогнет при виде этого восточного красавца? Ты же сама говорила, что он прекрасно образован, добр и очень хорош собой.

Её лёгкий, шуточный тон мгновенно сбил моё нарастающее напряжение.

— Зой, ну ты артистка! — рассмеялась я, укладывая последние пачки таблеток и с трудом застёгивая замок потяжелевшего чемодана. — Чем тебе наши московские мужчины не по душе?!

— Агат, да я же просто фантазирую, — Зоя подпёрла щёку кулаком. — Ты же знаешь, я патриотка с большой буквы. И, конечно, наши мужчины мне ближе — хотя бы потому, что мы говорим на одном языке. А с твоим Баселом мне что делать? Арабского я, извините, не знаю, а мой английский остался где-то на уровне школьной программы. Боюсь, на таком ломаном языке охмутать заграничного доктора будет проблематично.

— Эх, подруга, подруга, — я ласково приобняла Зою за плечи и присела рядом. — И зачем тебе кто-то сдался, когда у тебя есть мы с Самиром?

Мы переглянулись и в один голос прыснули со смеху. Но Зоя тут же испуганно одёрнула нас, шуточно прикрыв мне рот ладонью:

— Тихо ты! Самира разбудим. Рассказывай лучше, с вещами закончила?

— Да, смотри, всё уместилось в один чемодан — и мои вещи, и сына. Там сейчас тепло, так что тёплую одежду я брать не стала. На две недели нам этого точно хватит.

— Ну и отлично. Я тоже взяла только джинсы, спортивный костюм и пару платьев с кофточкой, — подшучивала Зоя. — Корону и боа из перьев решила в этот раз не тащить, оставляю для следующего заграничного вояжа!

Мы снова тихонько захихикали, делясь этим предвкушением на двоих. Я легонько похлопала её по колену:

— Ну что, мисс юмор, давай укладываться. Поспим хоть немного. Будильник я завела ровно на три часа. За час успеем перекусить, окончательно собраться и выйти.

— Да, моя хорошая, давай ложиться, — согласилась Зоя, поднимаясь с дивана. — Дядя Серёжа обещал подъехать за нами ровно к четырём. Агат... а если честно, как ты сама? Ужасно переживаешь?

Этот вопрос попал в самую больную точку. Внутри всё мгновенно сжалось от глухого, подступившего к горлу волнения.

— Конечно, Зой. Ещё как... — тихо призналась я, чувствуя, как начинают подрагивать пальцы. — Сейчас выпью пустырник, иначе до утра глаз не сомкну. И в сумочку флакончик закину, в дороге пригодится. Всё это кажется мне каким-то нереальным сном... До сих пор не верится, что я снова лечу туда. И спасибо тебе огромное, что согласилась поехать со мной. Мне без тебя было бы безумно страшно.

— О чём ты вообще говоришь, Агат? Перестань, — Зоя ласково, но крепко прижала меня к себе. — Как бы я отпустила вас одних после всего, что случилось в прошлый раз? Так что я с вами, подруга, как в клятве — и в радости, и в горе.

Мы замерли, уткнувшись друг другу в плечи. В этот момент я уловила тонкий, незнакомый аромат, исходивший от её кожи.

— Ого, кто-то сменил парфюм? — улыбнулась я. — Очень классные!

— Да! — Зоя гордо выпрямилась. — Новые духи, купила специально для нашего заморского путешествия. Наоми Кэмпбелл называются!

— Ладно, мисс космополитен, держи постельное бельё, застилай диван и падай спать. Ровно в три часа я тебя подниму.

— Сладких снов, Агат!

— И тебе сладких!

Вся дорога прошла на удивление гладко: до аэропорта добрались без пробок, и наш рейс вылетел минута в минуту. В Стамбуле, где-то доверяя старой памяти, а где-то просто интуитивно двигаясь за общим потоком пассажиров, я без труда перевела нас на борт Королевских Иорданских авиалиний.

И вот наконец, спустя несколько часов тревожного ожидания в небе, шасси самолёта с глухим грохотом коснулись посадочной полосы Аммана. От этого резкого толчка моё сердце испуганно дрогнуло и тут же пустилось вскачь. Мы на месте... Я снова здесь — в далёкой, чужой и такой опасной для меня Иордании...

Пока лайнер мчался по полосе на бешеной скорости, постепенно замедляя ход, перед моими глазами за считанные секунды пронеслось всё прошлое. Оживший ночной кошмар, который я так долго пыталась забыть. Самолёт окончательно остановился, и гул турбин плавно затих, оставив нас в звенящей тишине. Я повернулась к иллюминатору. Там, за двойным стеклом, горизонт тонул в багровом, раскалённом мареве закатного солнца. В этом душном полумраке дышал пугающий, совершенно чужой мир. И я слишком ясно понимала: пути назад уже нет. От этой мысли по коже пробежала крупная, колючая дрожь.

Глава 2

Пассажиры вокруг зашевелились, потянулись к багажным полкам, и в салоне мгновенно стало душно. Подхватив заснувшего Самира, я вместе с бурлящим человеческим потоком двинулась к выходу. Стоило переступить порог самолёта и оказаться в длинном стеклянном рукаве, как сквозь прозрачные стены нас плотно окутал тёплый, густой воздух Иордании. На часах было начало шестого вечера, и древний город медленно погружался в мягкие, бархатные сумерки.

На выходе из рукава нас встретил вежливый мужчина с табличкой, на которой были чётко выведены мои имя и фамилия. Было приятно осознавать, что Басел заранее позаботился о нашем комфорте. К моему огромному удивлению, на этот раз пограничный контроль мы прошли без единого лишнего вопроса и утомительных очередей. Нам даже не пришлось вылавливать чемоданы с багажной ленты — за нас всё сделали и бережно передали багаж прямо у выхода.

— Агата! Боже, чем здесь пахнет? Запах просто невероятный! — Зоя замерла посреди зала и шумно, всем сердцем втянула воздух. — Специи, какие-то масла, песок... И словно солёным морем веет! Но до чего же душно...

— Да, Зоич, это Восток, — улыбнулась я, крепче перехватывая ладошку сына. — Добро пожаловать, детка! Этот город — тот ещё обольститель, так что готовься потерять голову.

Самир нетерпеливо потянул меня за край джемпера:

— Мама, я хочу в туалет.

— Да, мой хороший... Зой, давай зайдём в уборную.

— Двумя руками за, пойдёте! — с готовностью отозвалась подруга.

Мужчина, сопровождавший нас от самого самолёта, аккуратно передал нам багаж.

— Спасибо большое за помощь. Вы нас очень выручили, дальше мы сами справимся, — поблагодарила я его.

Он учтиво кивнул в ответ и растворился в толпе.

— Боже мой, какая здесь чистота! — продолжала восторженно шептать Зоя, оглядывая уборную аэропорта. — Агата, вы уже всё? Я забегу в кабинку переодеться, а то в этой дорожной одежде я уже вся взмокла.

— Хорошо. Мы тогда пока выйдем на улицу, тут выход совсем рядом. Возможно, Басел уже заждался и потерял нас. Будем стоять прямо у дверей, не переживай, ты нас сразу увидишь.

— Идите, я мигом!

Автоматические двери аэропорта плавно распахнулись, и мы шагнули на улицу. Нас мгновенно обдало волной сухого вечернего зноя, и я сразу узнала этот воздух. Он не был для меня чужим. Густой, глубокий, пропитанный ароматом крепкого кофе с кардамоном и терпким, сладковатым шлейфом восточных благовоний, он в ту же секунду всколыхнул в моей душе лавину забытых ощущений.

Вокруг шумела колоритная разноязычная толпа: мужчины в белоснежных одеждах, женщины в струящихся платках, эмоциональные выкрики местных таксистов...

Самир испуганно прижался к моему бедру и крепче сжал мои пальцы:

— Мама, а где же обезьянки?

— Сынок, по улицам они не бегают, — ласково успокоила я его. — Они живут в специальном красивом месте, где о них заботятся. Мы с тобой туда обязательно ходим, обещаю.

— Ура! Мы поедem к обезьянкам! — захлопал он в ладоши.

— Обязательно, сынок. А сейчас я познакомлю тебя с твоим дядей Баселом. Он должен быть где-то здесь. Только помни: он совсем не умеет разговаривать на нашем языке. Зато вы сможете немного пообщаться по-английски. Мама ведь учила тебя нужным словам, правда?

— Да, мамочка! Буду разговаривать с этим смешным дядей на другом языке!

— Почему же смешным?!

— Ну потому что он даже не умеет разговаривать на московском языке!

Я не выдержала и тихонько рассмеялась, умиляясь его детской логике.

— Сынок, Самир, дядя не смешной. Он просто житель другой страны под названием Иордания. Здесь все люди говорят на своём родном языке — на арабском, и немного на английском. А наш с тобой язык называется не московский, а русский. Запомни, глупыш!

— Русский, как в Москве?!

— Да, родной мой, русский, как в Москве.

Я подхватила сына на руки и подняла повыше.

— А вон там, видишь? Посмотри вперёд... Вон стоит твой дядя Басел.

— Мой? Дядя? — Самир удивлённо округлил глаза, разглядывая мужчину в толпе. — Мам, а почему у него такая чёрная борода и платьешко красивое, как у нашей бабушки Нюры?

— Твой, Самир, твой! И это не платье, а традиционная мужская одежда. Здесь многие так ходят, посмотри по сторонам. Ну всё, идём, мой хороший.

В эту секунду по моему телу снова пробежала острая волна тревоги. Ладони мгновенно стали влажными от волнения, дыхание перехватило. Пытаясь скрыть внутреннюю дрожь, я крепче прижала к себе сына, подхватила ручку чемодана и уверенным шагом направилась к Баселу.

Стоило ему увидеть нас, как его лицо озарилось такой искренней, сияющей улыбкой, что у меня отлегло от сердца. Я слишком хорошо понимала: эта встреча с родной кровью тронула его до самой глубины души. Было видно, как сильно он сам переживал и ждал этой минуты.

— Машаллах! — Басел эмоционально развёл руки, повернув ладони вверх, и его голос дрогнул. — Мои родные! Наконец-то... Наконец-то вы дома. Дайте мне вас обнять... Самир, дорогой мой племянник! Ты уже настоящий мужчина! Такой большой!

Я аккуратно поставила сына на землю.

— Мама, что он говорит? — Самир тут же робко попятился назад и спрятался за мою ногу, с опаской поглядывая на высокого незнакомца.

— Сынок, не бойся, твой дядя говорит, что очень рад тебя видеть и очень любит. Поздоровайся с ним по-английски, как мы репетировали дома. Смелее!

Малыш набрал в грудь воздуха и звонко произнёс:

— Hello, Basel. How are you? (*Привет, Басел. Как дела?)

— О Аллах! Мой талантливый племянник... — Басел засиял от гордости. — I'm fine and so happy to see you, my dear... (*У меня всё хорошо, и я так рад тебя видеть, мой дорогой...)

Он подхватил Самира на руки и восторженно закружил его, крепко прижимая к груди. А после повернулся ко мне и тепло, бесконечно бережно обнял меня за плечи.

— Спасибо, Агата. Спасибо, что вы всё-таки приехали. Вы очень нужны нам, особенно сейчас...

— Я знаю, Басел, — тихо ответила я, чувствуя, как к горлу подступает ком. — Поэтому мы здесь.

— Good evening. I'm Zoya. (*Добрый вечер. Я Зоя.) Вижу, вы уже встретились, — весело разбила наш драматичный момент подошедшая Зоя, приветливо протягивая Баселу руку.

— Good evening, Zoya. I'm Basel, nice to meet you. (*Добрый вечер, Зоя. Я Басел, рад знакомству.) — тепло отозвался он и вежливо пожал её ладонь.

— Да, Зой, все в сборе, — я улыбнулась подруге. — Ну что, Басел, мы можем ехать? Мы очень устали с дороги и поскорее хотим добраться до отеля.

— Конечно, конечно, идёмте. Мой автомобиль стоит на парковке.

Басел поудобнее перехватил притихшего Самира и покатил наш тяжёлый чемодан. Мы с Зоей переглянулись, взялись под руки и пошли следом за ним. На Амман быстро опускалась

вечерняя мгла. На линии горизонта, проступая сквозь сумерки, зыбко и таинственно мерцали тысячи огней города, который когда-то жестоко отобрал у меня свободу, а теперь манил призрачной надеждой всё исправить.

Глава 3

— Ваш номер комнаты 6208. Он расположен на шестом этаже нашего отеля. Добро пожаловать, мадам, и хорошего вам отдыха, — вежливо сказал администратор с улыбкой, протянув мне карточку от номера.

— Благодарю, и вам хорошего вечера.

Басел мягко коснулся моего плеча, направляя к выходу из отеля. Подойдя к массивным стеклянным дверям, он указал рукой через прозрачную, идеально чистую дверь на яркую вывеску, горевшую в сгущающихся сумерках: «Restaurant Arabian».

— Агата, вы тогда поднимайтесь, переоденьтесь и спускайтесь вниз, — его голос звучал по-прежнему тепло и надёжно. — Я буду ждать вас в том ресторане. Пойду пока что закажу нам всем ужин, чтобы не терять времени.

— Хорошо, Басел, нам потребуется примерно полчаса.

— Не торопись! — великодушно отмахнулся он и с улыбкой посмотрел на моего сына. — Что любит мой племянник? Мясо, десерты, фрукты? К чему у него душа лежит?

— О, у твоего племянника на редкость непривередливый вкус, — улыбнулась я, погладив Самира по голове. — Он любит и то, и другое. Тьфу-тьфу, с вопросом еды у нас с ним никогда нет проблем. Но зато он очень не любит просыпаться по утрам в детский сад. Каждое утро для нас — маленькая битва.

Басел весело рассмеялся, и в его глазах блеснули те самые, до боли знакомые иорданские искорки:

— Отлично, значит, он пошёл в своего дядю! У меня тоже хороший аппетит, и в выходные я люблю поспать до обеда. Всё, жду вас в ресторане.

— Зой, как ты, подруга? — тихо спросила я, пока мы поднимались в лифте.

Лифт двигался бесшумно, словно плыл по воздуху. Зоя восторженно озиралась по сторонам, разглядывая зеркальные панели и мягкую подсветку.

— Слушай, Агата, как же тут красиво! — восхищённо прошептала она. — Посмотри, какой роскошный лифт, а сам отель! Я постоянно чувствую разные превосходные запахи, словно нахожусь в каком-то чудесном сне. Густой аромат парфюма, кофе с кардамоном, благовония... Я под большим впечатлением и просто не хочу просыпаться.

Я тихо вздохнула, крепче прижимая к себе сонного Самира:

— И я, Зой... Я тоже, как в первый раз, заново зачарована красотой этого города. Очень опасалась, что буду воспринимать Амман враждебно после всего того, что произошло здесь со мной. Оказалось — нет. Я очень рада своему возвращению. Это место приняло меня обратно, как родное.

Двери лифта плавно разъехались, и мы вошли в наш номер. Самир с разбегу запрыгнул на огромную кровать под белоснежным покрывалом.

— Мама, какая красивая квартира! Это будет наш дом теперь?

— Да, сынок, мы будем жить здесь две недели.

— Здорово! — захлопал он в ладоши. — Давайте всегда здесь жить, домой вообще не поедем. Пусть бабушка к нам приезжает и привезёт нашего Йосю. И ещё мы обязательно возьмём одну обезьянку, и я больше никогда не буду ходить в детский сад!

— Самир, ох ты хитрец! — смеялась, подтрунивая над ним, Зоя. Она присела на край кровати, искренне веселясь от его детской непосредственности. — Ну молодец, что про кота своего и про бабушку не забыл, побеспокоился, весь план расписал!

Я улыбнулась, доставая из сумки свежие вещи:

— Сынок, нельзя, мы здесь гости, а наш настоящий дом в Москве.

— Ну почему, мам? — Самир разочарованно надул губы.

— Потому, Самир, мы родились в России. Твоя бабушка и прабабушка живут там, моя работа и твои друзья во дворе, твои любимые игрушки и твой новый диван — всё это дожидается нас на родине.

Малыш на секунду задумался, перекатывая на языке новое слово:

— На родине? Что это?

— Родина — это разумное, родное место. Место, где ты родился и рос, где тебя все знают и любят.

— Так, мамы и сыночки, мы идём ужинать сегодня?! — шутливо погрозила пальцем Зоя, напоминая о времени.

— Да-да-да, буквально пять минут, Зой, я хочу сбежать в душ, смыть дорожную пыль. Давай я сейчас умою Самира, а ты переоденешь его, пока я собираюсь.

— Хорошо, только давайте поторопимся, уж очень не терпится мне поесть местных вкусняшек! — с голодным блеском в глазах, предвкушая восточную кухню, лепетала Зоя.

Через полчаса мы, посвежевшие и нарядные, вышли из отеля, пересекли улицу и зашли в холл ресторана. Нас встретил вежливый метрдотель.

— Добрый вечер, у вас заказан столик? — спросил он.

— Добрый вечер, нас здесь ждут.

— Агата! — из глубины роскошного зала, залитого мягким светом, вышел Басел. Он приветливо замахал рукой. — Проходите скорее, ужин уже начали подавать, всё с пылу с жару. Я заказал всё, что показалось вкусным мне самому и что посоветовал официант.

Мы расположились в уютной мягкой зоне у огромного окна, за которым ночной сад буквально утопал в изумрудной зелени, подсвеченной вечерними фонарями.

— Ну, как вы себя чувствуете после перелёта? Остались силы на ужин? Как вообще долетели, в дороге всё было хорошо? — заботливо поинтересовался Басел, когда мы устроились на диванах.

— Остались, Басел, остались, — улыбнулась я, чувствуя, как от витающих ароматов просыпается зверский аппетит. — Мы голодны и, кажется, очень.

— Замечательно, сейчас я вас накормлю, спать ляжете сытые и счастливые, — пошутил Басел.

— На самом деле, нормально долетели, — поделилась я, устраивая Самира поудобнее. — Опасалась, что будет сложнее: Самир никогда раньше не летал, и я переживала, как его детский организм перенесёт дорогу и перепады давления. Но теперь вижу, что с этим парнем можно смело путешествовать по миру.

— Молодец, Самир! Настоящий мужчина! — одобрительно кивнул Басел, и его лицо мечтательно разгладилось. — Мы можем весной все вместе полететь в Саудовскую Аравию. Я покажу вам красивейшие места, дикие, каких ни в одном путеводителе нет...

— Дамы, добрый вечер. Немного вина? — к нашему столу бесшумно подошёл официант, держа бутылку в запотевшем ведёрке.

Я повернулась к подруге:

— Зой, что думаешь? По бокальчику за приезд и для хорошего сна? — поинтересовалась я.

— Да, подруга, давай попробуем местное вино! Когда ещё такое будет? — с готовностью поддержала меня Зоя.

На наш стол одно за другим подносили разные блюда, превращая ужин в настоящую восточную сказку. Официанты расставили в центре огромные подносы с сочным запечённым мансафом из нежнейшей ягнятины, исходящей янтарным соком и умопомрачительным ароматом пряностей, и дымящимся, истекающим жиром шиш-кебабом. Рядом красовалась рыбная саядия на пышной подушке из пряного золотистого риса с обжаренными кедровыми орешками. Стол буквально ломился от изобилия: запечённые на углях до мягкости овощи, лёгкий,

брызжащий соком арабский салат, свежие, ещё горячие лепёшки с пиалами нежного, шелковистого хумуса и тарелка фруктового ассорти. В самом конце ужина, когда мы уже едва могли дышать от сытости, а Самир полусонно улыбался, нам преподнесли шикарный традиционный десерт — горячую, хрустящую кнафе с тягучим сыром и фисташками. Её корочка идеально контрастировала со сладким сиропом.

Самир был в восторге, Зоя тоже расплывалась в сытой, блаженной улыбке, откинувшись на подушки. За ужином мы говорили на нейтральные темы, наслаждаясь моментом. Я узнала, что Басел перешёл в частную клинику на должность главного врача, купил небольшой, уединённый дачный участок и четырёх лошадей, а также стал разводить перепёлок. Он объяснил это тем, что их яйца и мясо очень полезны для здоровья. Кони же с самого детства были его слабостью, а теперь — отдушина и спасение от стресса по выходным.

Также Басел рассказал, что их отец теперь всё чаще находится в Иордании, а в Палестине стал бывать реже. Ещё он упомянул, что оттуда в Амман переехали две большие семьи их родственников, и пообещал обязательно нас со всеми познакомить.

А потом разговор коснулся того, от чего у меня внутри всё болезненно сжалось. Выяснилось также, что Халид всё-таки женился на Насте, не дождавшись выздоровления Амины. Того сурово требовал его бизнес. Это известие тяжёлым камнем легло на сердце. Это означало, что она сейчас в поместье, хозяйкой, и нам предстоит неприятная для нас обеих встреча лицом к лицу. А Халид... он совсем плох. Атмосфера за столом на секунду стала густой.

Пытаясь прогнать внезапную грусть, я внимательно посмотрела на Басела:

— Ну а как твоя личная жизнь, Басел? — осторожно поинтересовалась я, стараясь не задеть старые раны. — Удалось ли встретить женщину, которая пробудила твоё спящее сердце?

Басел горько, едва заметно усмехнулся и отвёл взгляд в сторону тёмного окна:

— Ай, Агата, лучше не спрашивай. Думаю, я уже своё отлюбил. Мой лимит на чувства исчерпан.

В его голосе проскользнула такая глухая тоска, что мне искренне захотелось его поддержать.

— Я тебя понимаю, хоть и не согласна с такой позицией, — мягко возразила я, накрыв его ладонь своей. — Сердцу, конечно же, не прикажешь. Оно ждёт своего истинного часа. Оно просто затаилось.

— Всё верно говоришь... Истинного часа ждёт, — тихо отозвался Басел, погружаясь в свои мысли. Но тут же встряхнулся, возвращая на лицо тёплую улыбку. — Так, команда путешественников, я тут позаботился о вашем завтраке, сделал предзаказ на утро. С 6:00 до 10:00 в любое время вы можете подойти в этот ресторан и перекусить. Бронь оформлена на моё имя. А в 12:00 я приеду за вами, поедem в поместье. — Yes, Samir? (*Да, Самир?) — с улыбкой спросил Басел.

— Yes! (*Да!) — протяжно выкрикнул Самир, мгновенно востепенувшись. А потом зашептал мне на ухо:

— Мам, а что он спросил?

Я тихонько рассмеялась, целуя его в тёплый лобик:

— Дядя Басел спросил, понравился ли тебе ужин, и пожелал тебе спокойной ночи, малыш. Что нужно ему ответить?

— Спасибо! — снова выкрикнул Самир на весь зал.

— Правильно, сынок, только дяде Баселу это нужно говорить на английском, если ты хочешь, чтобы он тебя понимал. Ну-ка, вспомни?

Самир смущённо улыбнулся:

— Thank you, Basel (*Спасибо, Басел).

— Welcome, my dear (*Пожалуйста, мой дорогой), — Басел слегка зажмурился, вероятно, от теплоты момента общения с племянником. Было видно, как сильно его тронуло это детское «Thank you».

— Спасибо, Басел, что встретил. И спасибо от всех нас за вкусный ужин, — добавила я, поднимаясь из-за стола.

Мы тепло приобнялись с ним на прощание.

Глава 4

Несмотря на сильную усталость после изнурительной дороги, мы с Зоей проболтали почти до самого рассвета. Эмоции переполняли, мысли бежали наперегонки, и сон никак не шёл. Нам едва удалось подремать пару часов, как утром всех на ноги поднял Самир — неугомонный, полный энергии и детского нетерпения.

— Ну и что ты думаешь? Как долго мы сегодня там пробудем? — негромко спросила Зоя, накладывая в тарелку свежий овощной салат. Мы сидели за ресторанным столиком, но аппетита не было совсем.

— Не знаю, Зоич, — вздохнула я тревожно, ощущая, как от волнения лихорадочно горят щёки. — Как по мне, так чем быстрее, тем лучше. Как подумаю, что уже через два часа нужно туда ехать... мне физически плохо становится. У меня на фоне всех этих переживаний второй день температура держится. Душа упирается, хоть плачь.

— Ох, как я тебя понимаю, подруга, — Зоя сочувственно накрыла мою ладонь своей тёплой рукой. — Я с тобой, слышишь? Всё будет хорошо, не переживай.

— А ещё как представлю, что там Настя... — меня передёрнуло от одной этой мысли. — Видеть её не хочу. Она своего никогда не упустит, за словом в карман не лезет, уж я-то её знаю. Эта женщина с самого порога припадёт к сонной артерии, чтобы высосать из меня кровь до последней капли. До сих пор не понимаю, как Халид мог с ней уживаться на одной территории. Пренеприятная особа, навязчивая, наглая. Прости меня, Господи, за мой дурной язык.

— Мам, сегодня мы поедем к обезьянкам? — ёрзая на стуле и забавно размахивая ложкой, перебил наш разговор Самир.

— Нет, сынок, сегодня мы поедем в гости в дом к дяде Баселу и его брату. Там очень красиво и есть настоящие большие лошадки. Тебе очень понравится.

— Ну ла-а-адно... — протянул он, на мгновение задумавшись и смешно надув губы. — А когда поедем? Вот прямо сейчас?

— Позавтракаем, нарядимся — и сразу поедем, сынок.

— Давайте тогда скорее завтракайте! — тут же принялся торопить нас Самир, заглядывая в наши тарелки. — Я-то уже всё поел. Пора ехать!

Мы с Зоей переглянулись и искренне рассмеялись в голос. Тяжёлое напряжение на миг спало. Ох уж этот нетерпеливый Самир! Ему, как обычно, подавай всё и сразу. Не переставала я дивиться своему сыну.

Ровно в 12:00 с ресепшена позвонили. Вежливый голос администратора сообщил, что внизу нас ожидает автомобиль.

Басел...

Внутри у меня всё сжалось в тугой узел.

Кондиционер в машине работал на полную мощность, обдавая нас прохладой, но мне всё равно катастрофически не хватало воздуха.

— Не переживай, я рядом, — тихонько шепнула на ухо Зоя, когда городские кварталы Аммана остались позади и за стеклом замелькали бесконечные, выжженные солнцем пустынные пейзажи. — Если что-то пойдёт не так, мы в ту же секунду встанем и просто уйдём отсюда.

Я крепко сжала её холодную ладонь и, заглянув в глаза, благодарно и с волнением кивнула.

— Басел, пожалуйста, не оставляй нас там одних. Ты обещал мне.

— Конечно, Агата, тебе не о чем беспокоиться, я всё контролирую, — отозвался он, внимательно глядя на дорогу сквозь солнцезащитные очки. — Кроме Халида и прислуги, в доме сейчас никого нет.

— А... эта женщина? — осторожно, словно ступая по хрупкому льду, поинтересовалась я.

— Ты про Настю спрашиваешь? — Басел мельком взглянул на меня в зеркало заднего вида.

— Да.

— Её нет в поместье, вернётся только к выходным. Они с её младшей сестрой и матерью уехали в Акабу на море. Те прилетели поддержать её после смерти Амины. Но, как я погляжу, эти дамы не очень-то спешат возвращаться назад. Видимо, в Иордании им понравилось куда больше.

— Понимаю, как ей тяжело сейчас, — тихо произнесла я, устремив отрешённый взгляд в окно. — Потерять единственную дочь — это страшное, невыносимое горе. И столько лет болезненных надежд, пока Амина лежала в коме... Мне её искренне, по-человечески жаль.

— Да, им с Халидом пришлось несладко, — Басел тяжело вздохнул, и на его лице проступила тень старой печали. — Она сильно пристрастилась к алкоголю за последние годы. А когда нашей девочки не стало, вообще меру потеряла.

— Зой, Насти нет в доме, — я повернулась к подруге, стараясь говорить как можно тише. — Басел говорит, к ней прилетели мать с сестрой, и они сейчас в Акабе.

— Слава Богу... — с огромным облегчением выдохнула Зоя и успокаивающе похлопала меня по колену.

— Да уж, слава Богу... — отозвалась я, слегка приоткрыв окно. — Сынок, как ты тут у меня? Ну-ка, посмотри в окошечко, как же вокруг красиво!

За окном простирался величественный, выжженный безжалостным солнцем пейзаж, где песок сливался с небом.

— Мама, а где все люди? — удивлённо спросил Самир, прильнув лбом к прохладному стеклу. — Тут только большая песочница, и больше вообще ничего нет!

— Да, сынок, повсюду один песок, — улыбнулась я, поправляя застёжку на его сандалии. — Потому что здесь люди не живут, город остался далеко позади.

— А зачем мы тогда сюда едем, мама?

— Потерпи, родной, скоро сам всё увидишь. У дяди Басела очень красивый, большой дом. Он построен вдали от города — специально, чтобы гости каждый день не приходили.

— А нам точно можно в гости? — Самир взволнованно потёр своё ухо, с явной опаской поглядывая на Басела.

— Конечно, сынок, нам можно. Дядя Басел сам нас пригласил.

В мареве горизонта наконец начали проступать очертания первых роскошных загородных поместий, окружённых зеленью оазисов. Мы стремительно приближались.

— Скоро приедем... — нервничая, едва слышно прошептала я Зое. Сердце снова пустилось вскачь.

— Агата, когда приедем, мне нужно будет сначала подготовить брата, — беспокоясь, сказал Басел, доставая из пенала машины небольшую пачку с ампулами. — Вы подождёте меня внизу, в гостиной. Я поднимусь к нему, дам хороший седативный препарат, а потом спущусь к вам, попьём кофе. Я очень переживаю. Он настолько сейчас слаб, и для него это будет слишком большое потрясение. А спустя полчаса мы вместе поднимемся к нему.

Я молча сглотнула подступивший к горлу горький и тяжёлый ком.

И вот впереди, словно кошмарный сон наяву, показались массивные кованые ворота поместья Халида. При одном взгляде на них всё моё тело мгновенно налилось свинцом. Ничего не изменилось. Я помнила каждый изгиб, каждый металлический завиток на этом высоком заборе. Ведь когда-то я жила за ними, как в роскошной тюрьме, и сотни раз обречённо смотрела сквозь эту железную преграду, тоскуя по желанной свободе. Я снова здесь... Мне до сих пор не верилось, что это происходит наяву.

Басел поднял трубку:

— Запустите нас.

Тяжёлые створки ворот начали плавно разъезжаться в стороны, открывая путь в цитадель моего страха. От бешеного стука собственного сердца у меня разом заложило уши. Казалось, я забыла, как дышать...

Глава 5

— Агата, дочка! — Назира всплеснула руками, и в её старых, помутневших глазах мелькнул неподдельный испуг, смешанный с ноткой радости. — Как же это... ты вернулась? Ой, Аллах...

— Здравствуйте, Назира, — настороженно поздоровалась я. — Да, мы прилетели на две недели. Расскажите, как вы?

— Ай, дочка... — она горестно покачала головой, пряча лицо в складках тёмного платка. — Аллах отвернулся от этого дома за наши грехи... Ты уже знаешь, что случилось?

— Да, Назира. Всё знаю, — я отвела взгляд, не в силах смотреть на её скорбные морщины. — Басел мне рассказал. Именно поэтому мы здесь.

Вдруг её взгляд переместился вниз, и она замерла. Принялась с удивлением пристально разглядывать Самира, который смущённо спрятался от неё за мои ноги.

— А это... что за прелестный мальчик с тобой? — её голос перешёл на шёпот.

— Это мой сын. Самир, — с гордостью ответила я, усаживая его к себе на колени.

— Сын... — Назира растерянно перевела взгляд с лица мальчика на моё, словно пытаясь отыскать в его чертах знакомые, фамильные линии. — Ничего не понимаю... Ладно, я побегу на кухню. Приготовлю вам чай со сладостями.

Она суетливо засеменила прочь, шурша длинными юбками. В гостиной повисла давящая тишина.

— Агата, я скоро вернусь. Располагайтесь пока здесь, — Басел мягко коснулся моего локтя, возвращая в реальность. Его лицо было сосредоточенным и бледным. — Мне нужно подняться к нему.

Я лишь молча кивнула. Басел быстрыми шагами направился к массивной лестнице, ведущей на второй этаж. Эхо каждого его шага по ступеням отзывалось в моём сердце ударом.

— Зоя... это уму непостижимо, — выдохнула я, едва сдерживая подступившую к горлу тошноту. Я огляделась по сторонам, и по спине пробежал ледяной пот. — Я снова сижу в этом доме. Мне так страшно. Кажется, если я сделаю лишнее движение, то вновь окажусь узницей в этих проклятых стенах.

— Не нагнетай, подруга, слышишь? — Зоя пересела ближе и крепко сжала мою кисть. Её земной голос немного отрезвил меня. — Ничего не случится. Басел рядом, он обещал, что всё под контролем. Сейчас покажешь Самира, сделаем то, зачем приехали, и сразу уедем. Сразу!

А после принялась с любопытством оглядывать огромную гостиную. На её лице читался восторг пополам со страхом.

— Агата, но дом, конечно, роскошный... — прошептала она. — Я такие богатства только в бразильских сериалах по телевизору видела. Несколько этажей, поющие фонтаны, прислуга, охрана на воротах... Настоящий дворец.

— Веришь, Зой? Я не вижу здесь красоты, для меня это самое жуткое место на земле.

— Мама! А где лошадки?! — Самир, которому наскучило сидеть без дела на месте, резко спрыгнул с моих колен. Его звонкий голосок эхом разлетелся по просторной комнате. — Ты же обещала!

— Малыш, тише, — я прижала палец к губам. — Мы посмотрим их чуть позже. Сейчас бабушка Назира принесёт вкусные пирожные с чаем, потом мы сходим поздороваться с братом дяди Басела, а после этого обязательно пойдём к лошадкам. Договорились?

— Ладно, мама, — буркнул он и, потеряв к нам интерес, направился к подножию лестницы.

Он сделал шаг, занося маленькую ножку над первой ступенью — той самой, которая вела наверх, вглубь моих самых кошмарных воспоминаний... Сердце ухнуло вниз.

— Сынок! Не ходи туда! — одёрнула я резко.

Самир испуганно обернулся. Я попыталась улыбнуться, сглаживая тон:

— Пойдёмте лучше все вместе вымоем руки после дороги.

Когда мы вернулись в гостиную, Назира уже расставляла на низком резном столике фарфоровый сервиз. От серебряного чайника поднимался густой, сладкий пар.

— А это что за прекрасная девушка с вами? — учтиво поинтересовалась она, разглаживая белоснежные салфетки своими узловатыми пальцами.

— Это моя близкая подруга Зоя, — представила я, присаживаясь на диван, пытаюсь унять внутреннюю дрожь. Взгляд скользнул по пустующим углам. — Назира... а где наша Зухра?

— Ой, дочка... — Назира на секунду замерла с пиалой в руках. — Её отправили из поместья ещё несколько лет назад. Расчёт дали. Я слышала, она теперь работает в доме у одной очень порядочной семьи, где-то возле Мёртвого моря. Говорят, у неё всё хорошо, не обижают.

— Как жаль, что её здесь нет... — разочарованно вздохнула я. Мы были очень дружны. — Я так соскучилась по ней и хотела увидеть. Но главное, что у неё всё в порядке...

На лестнице раздались неспешные шаги. Спускался Басел. По его напряжённому лицу и испарине на лбу было видно, каких усилий ему стоит сохранять самообладание.

— Ну, как вы тут? Попили чаю? — спросил он, нервно поправляя манжеты рубашки. — Мы сделали Халиду укол. Препарат сильный, нужно немного подождать, пока подействует, и тогда сможем подняться. Самир, племянник, посмотри, сколько сладостей приготовили нам Муса и Назира!

Я едва не выронила чашку от удивления.

— Муса? — мои глаза округлились. — Муса теперь работает в этом доме?

— Да, Халид давно перевёз его сюда. Последние годы он практически не бывал в поместье у Акабы, вот и забрал его.

Я сделала глоток. Великолепный жасминовый чай с лёгкой ноткой кардамона приятно обжёг горло. Мысли путались.

— А как поживают кони? Моя Моника... она в порядке?

— Да... да, с ней всё хорошо, не переживай, — Басел отвёл глаза, словно ему было неловко. — Халид подарил её Насте. Но ты же знаешь эту женщину... Ей до кобылы нет никакого дела. Настя в конюшню ни ногой. Общению с животными она предпочитает салоны и бесконечные прогулки по торговым моллам.

— Ну да, вполне в её стиле, — я горько усмехнулась, вспомнив о ней. — Она как-то говорила, что эта «живность» её не привлекает.

Я повернулась к сыну и подруге, попытавшись перевести тему:

— Самир, Зоя, скорее попробуйте намуру! Муса божественно готовит этот десерт, пальчики оближешь.

Зоя отломил кусочек пропитанного сиропом пирожного, а Самир уже вовсю уплетал сладость, пачкая пухлые щёчки.

— Господин Басел, вам нужно что-нибудь ещё? — Назира учтиво склонила голову, переминаясь с ноги на ногу. — Если разрешите, я отнесу наверх тёплый бульон. Нужно покормить господина Халида.

— Ступай, Назира, — отпустил её Басел. — Мы тоже скоро поднимемся. Только помни: ни слова о том, что у нас гости. Это должен быть сюрприз. Он не знает, что Агата здесь.

Она кивнула и бесшумно направилась на кухню.

— Вижу, здесь совсем ничего не изменилось за эти годы, — задумчиво произнесла я. — Каждая ваза, каждая картина на своём месте... Только вот Исама я не вижу. Где он? Всё ещё служит у вас?

— Да, Исам в полном порядке, иншаллах, — ответил Басел. — Сама понимаешь, лучше него никто не справится с делами этого огромного дома. Он по-прежнему контролирует здесь каждый шаг. Так сказать, закон и власть!

— Уж это точно подмечено, — пошутила я. — Муха в дом без его личного разрешения не залетит.

Басел взглянул на часы и глубоко вздохнул. Напряжение достигло своего пика.

— Ну что, как поступим? — принялся рассуждать он, глядя на нас с Самиром. — Думаю, план такой: я зайду в спальню первым. Скажу Халиду, что к нему пришли особенные гости, подготовлю его и позову вас с Самиром. Хорошо?

— Нет, Басел, — я решительно покачала головой. — Давай я сперва зайду одна. Без ребёнка. А вы с Самиром постоите за дверью. Я должна поговорить с ним с глазу на глаз. А уже потом, если всё будет спокойно, я позову вас.

Басел внимательно посмотрел на меня, оценив твёрдость моего взгляда, и кивнул.

— Да, ты права, Агата, — согласился он. — Так будет лучше. Не всё сразу. Для его сердца это и так колоссальный удар.

Я повернулась к подруге:

— Зоя, подожди нас здесь. Думаю, мы ненадолго.

— Конечно, моя хорошая, — Зоя с волнением поднялась, крепко прижала меня к себе и прошептала прямо на ухо: — С Богом, Агата. Ничего не бойся.

— С Богом... — ответила я, взглянув в её глаза с щемящей тревогой и печалью, словно прощалась на долгие месяцы.

Мы медленно поднялись по ступеням. Шаг за шагом. И вот наконец я оказалась перед массивной дверью из светлого дерева — дверью, ведущей в спальню Халида. За всё то время, что я провела когда-то в этом доме, я ни разу не переступала этого порога. По каким-то своим причинам он не позволял мне приходить к нему. Это была запретная зона. И вот теперь я стою здесь.

— Всё, ждите меня тут, я позову, — Басел приоткрыл тяжёлую створку. — Халид, брат... Это снова я.

Из комнаты потянуло лекарствами и каким-то тяжёлым, увядающим духом.

— Входи, дорогой... — донёсся из глубины комнаты глухой, пугающе слабый, едва узнаваемый голос человека, который когда-то держал в кулаке мою жизнь.

Глава 6

Моё сердце больше не выдерживало этого удушающего, звенящего напряжения. В какой-то момент пространство вокруг выцвело, а стены коридора предательски поплыли перед глазами, угрожая утащить меня в обморок. Остро, до паники, захотелось глотка воздуха. С трудом цепляясь за ускользающую реальность, я вспомнила, что на самом дне сумочки у меня лежит флакончик с успокоительным.

Трясущимися, непослушными пальцами я нервно расстегнула замок, выудила заветные таблетки и тут же проглотила их, без единого глотка воды. Пытаясь унять лихорадочную дрожь, я принялась мерить шагами коридор, металась от стены к стене, пока не наткнулась взглядом на Самира. Мой маленький мальчик стоял чуть поодаль, и в его распахнутых глазках застыла детская растерянность.

— Мама, почему ты так ходишь и совсем не улыбаешься? — тихонько протянул он, нетерпеливо дёргая меня за край одежды. — Пойдём скорее к лошадам!

Я судорожно выдохнула, опускаясь перед ним на корточки, и попыталась выдавить из себя подобие улыбки, хотя лицо сводило от нервной судороги.

— Прости, сынок, мамочка просто пытается справиться с мыслями. Я... я очень давно не виделась с братом твоего дяди Басела и теперь немного волнуюсь. Мы обязательно пойдём к лошадам, очень скоро. Подожди, малыш, пожалуйста.

Внезапно тяжёлая дверь в конце коридора с глухим щелчком распахнулась. Из комнаты быстрыми шагами вышел Басел. Он подошёл ко мне, осторожно взял за руку и с волнением заглянул в глаза, глубоко словно в душу.

— Время пришло. Ты готова? — спросил он тихо.

В его голосе не было давления — лишь чуткое понимание того, через какое колоссальное внутреннее сопротивление мне даётся этот шаг.

— Ах, Басел... Я жутко боюсь туда войти, — прошептала я еле слышно, чувствуя, как холодеют кончики пальцев.

Но назад дороги уже не было. Я скорбно сжала веки, принимая неизбежное.

— Ждите меня здесь. Я вас позову.

Собрав всю свою силу воли в кулак и набрав полные лёгкие душного воздуха, я выпрямила спину и сделала шаг навстречу своему самому большому страху. Я шагнула через порог.

Это была просторная, залитая мягким светом комната, обставленная с кричащей роскошью: дорогая мебель, изысканный декор, вазы со свежесрезанными цветами, чей сладковатый аромат намертво смешался со стойким запахом лекарств. И прямо посреди этого великолепия, у распахнутой балконной двери, одиноко стояло инвалидное кресло.

Я беззвучно закрыла за собой дверь, отрезая путь к отступлению. В горле пересохло настолько, что я с большим трудом смогла сложить на языке буквы. Мой голос будто осел, провалился куда-то внутрь, и я произнесла едва слышно, словно шелест:

— Халид...

Кресло медленно откатилось назад и плавно развернулось в мою сторону. Сердце ухнуло куда-то вниз, когда я увидела то, что осталось от прежде красивого, гордого и полного сил молодого мужчины. Болезнь и скорбь безжалостно перемалывали его.

Первое, что бросилось мне в глаза, — его абсолютно безжизненный, подёрнутый туманной пеленой взгляд и пугающе исхудавшее тело, утопающее в складках одежды. Он посмотрел на меня исподлобья, с мучительным трудом удерживая голову. В комнате повисла леденящая душу тишина, в которой, казалось, было слышно лишь громкое биение наших сердец.

— Здравствуй... Можно я пройду? — осторожно спросила я.

Он молчал, продолжая буравить меня взглядом. Переборов оцепенение, я всё же прошла вглубь комнаты и опустилась в мягкое кресло всего в метре от него. Халид смотрел на меня в упор, пристально, тяжело, а я пыталась разгадать хаос его мыслей.

— Басел сообщил мне о том, что у тебя здесь произошло... — тихо начала я, чувствуя, как подкатывают слёзы. — Мне очень жаль твою дочь, Халид. И безумно жаль, что с тобой случилась такая беда.

Стоило мне произнести эти слова, как Халид судорожно зажмурился. Мужская броня дала трещину, и из его глаз хлынули горькие, безудержные слёзы. Это было невыносимое зрелище. Он инстинктивно попытался смахнуть их с лица, но его правая рука даже не шевельнулась — она неподвижно, мёртвой плетью лежала на бедре. Лишь левую руку он смог приподнять немного и, беспомощно склонившись к ней лицом, неуклюже утёрся.

— Зачем ты здесь, Агата? — наконец произнёс он, и в его глухом голосе сквозила такая бескрайняя, рвущая плоть боль. — Я не думал, что когда-либо ещё тебя увижу...

— Пришла повидаться с тобой, — ответила я, подаваясь чуть вперёд. — Мне хотелось, чтобы ты почувствовал себя лучше.

— Лучше?! Это невозможно! — надрывно возразил он, и в его исхудавшей груди послышался хрип. — Мне никогда не станет лучше, Агата! Потому что никто... никто и никогда не вернёт мне моего ребёнка! Мне не нужна эта калечья жизнь! Я отрёкся от Аллаха так же, как он отрёкся от моей единственной дочери!

В комнате словно потемнело от его отчаяния. Я собралась с духом и приготовилась произнести слова, которые ещё месяцем ранее, там, в своей московской квартире, даже и не думала ему говорить.

— Халид, ты прав, но не будь так строг к Всевышнему, — тихо, но твёрдо сказала я, глядя в его туманные глаза. — Потому что Господь одной рукой отнимает, а другой даёт...

— Что?! Что он мне дал, твой Господь?! — вскинулся он, и в его голосе звякнула безумная ярость. — Эти проклятые бриллианты? Фуры с контрабандным оружием?! Пусть всё это летит к шайтану, мне ничего не нужно! Я хочу уйти поскорее... уйти вслед за своей дочерью!

Я сделала глубокий вдох, понимая, что этот момент изменит всё.

— Халид... У тебя есть. Есть ради кого жить... Аллах не оставил тебя в одиночестве... Это не так... У тебя есть Самир... Твой сын. Наш сын...

Халид мгновенно замер. На секунду мне показалось, что он вообще перестал дышать. Медленно, будто преодолевая сопротивление невидимых оков, он повернул ко мне голову.

В этом тяжёлом, страшном взгляде я увидела такую застывшую, нечеловеческую боль, что у меня перехватило дыхание.

— Это правда?.. — его губы задрожали, выталкивая слова. — Ты родила мне сына? Моего сына?

В этот трогательный, разрывающий сердце момент плотина рухнула, и горячие слёзы градом полились и из моих глаз.

— Да, Халид... Да... У тебя есть прекрасный сын, и он здесь, прямо за этой дверью. Он ждёт, чтобы познакомиться с тобой.

Глава 7

— О, мой Аллах... Сын... — Халид ошарашенно смотрел на меня, отказываясь верить собственным ушам. В его туманном взгляде промелькнуло такое глубокое потрясение, что он на мгновение беззвучно открыл рот. — Агата, но как? Как такое могло произойти? Почему я ничего не знал? Зачем ты скрыла это от меня?

— Халид, ты сам вынудил меня так поступить, — тихо, но твёрдо произнесла я. Внутри меня всё болезненно сжалось от нахлынувших воспоминаний. — Ты забыл, как обращался со мной? Как поднимал на меня руку, душил, осыпал грязными оскорблениями и, в конце концов, столкнул с лестницы? Разве, будь ты на моём месте, ты поступил бы иначе?

Он молчал, сокрушённо принимая мои обвинения, словно удары. Его плечи поникли, а безжизненные глаза стремительно наполнялись горькими слезами.

— К тому же ты собирался жениться на Насте, и вы оба глумились надо мной. Разве это не так? Разве ты собственноручно не превратил мою жизнь в беспробудный кошмар? А я ведь любила тебя... искренне любила. Ты сделал мне безумно больно, Халид. Но я выстояла, сохранила этого ребёнка и теперь люблю его больше своей жизни.

Пытаясь скрыть дрожь и вытирая мокрое от слёз лицо, я подошла к распахнутому балкону, жадно хватая ртом воздух.

— Агата, душа моя, я действительно очень, очень виноват перед тобой, — глухо, с трудом выталкивал он слова. — Прости меня, если сможешь. Я не должен был так с тобой поступать. Когда ты исчезла, я места себе не находил, сходил с ума от неизвестности. С твоим уходом я почувствовал себя ещё более одиноким и сломленным. Мне было невыносимо плохо без тебя, но я не смел даже надеяться, что ты вернёшься вот так... и сообщишь, что у меня есть сын. Сын, который продолжит род семьи Хиджави.

На исхудавшем лице Халида вдруг появилась едва заметная, слабая улыбка.

— Ты подарила мне огромную радость, Агата. Я мечтал об этом всю свою сознательную жизнь.

— Да, Халид, Самир действительно очень похож на тебя, — ответила я, не поворачивая головы. — И когда Басел сообщил мне, что ты совсем слаб и угасаешь, я приняла решение наступить на свою гордость и дать вам шанс на эту встречу.

— Спасибо... — с бескрайней, щемящей благодарностью выдохнул он. — Спасибо за твоё великодушие, Агата. Ты удивительный, слишком хороший человек. Я всегда был тебя недостоин. Но сейчас я уже навряд ли смогу что-то исправить... Ты ведь никогда меня не простишь.

— Халид, я давно простила тебя и искренне благодарна за сына, но забыть весь тот ужас не могу до сих пор. Ты оставил слишком глубокий, незаживающий рубец в моём сердце и памяти. Но я очень хочу, чтобы через эту нашу встречу пришло исцеление. Мне хочется жить нормально, дышать полной грудью и больше не содрогаться при малейших воспоминаниях о своём прошлом... Очень хочется.

— Пока я жив, я постараюсь успеть всё исправить, — в его голосе внезапно проступила прежняя твёрдость. — Дай Аллах мне сил и ещё немного времени, чтобы очистить совесть и позаботиться о вас с Самиром. Я сделаю всё, чтобы после моего ухода вы ни в чём не нуждались. Мой сын должен получить лучшее образование, моё имя и законное место в этом доме и в моей семье.

— Халид, нам ничего этого не нужно, — я наконец повернулась к нему. — У Самира всё есть. Я просыпаюсь по утрам ради него и делаю всё, что в моих силах, чтобы у него было счастливое, беззаботное детство. Просто мой сын должен был хотя бы раз в жизни увидеть своего родного отца. Только поэтому мы здесь...

— Почему я могу увидеться с ним лишь раз, Агата? На сколько вы прилетели? — взмолился он, и в его глазах отразилась настоящая паника. — Я едва обрёл сына, а ты хочешь снова у меня его отнять. Не поступай так. Будьте со мной рядом, прошу...

— Халид, успокойся, тебе нельзя так нервничать, побереги сердце, — мягко осадил его пыл. — Мы здесь с тобой. Ты сможешь целых две недели общаться с сыном. Я специально взяла отпуск, отложила все дела в Москве. Мы никуда не спешим.

— Снова две недели... Как тогда... — Халид ненадолго прикрыл глаза, погружаясь в сладкие, трепетные воспоминания. — Как бы я хотел вновь вернуться в тот день... когда увидел тебя впервые... сидящую на краю террасы ресторана. Ты была подобна ангелу, спустившемуся с небес, такая цветущая, такая желанная и смущённая. Твои кудрявые локоны и то милое платье в горох... ты сразила меня тогда... с первого взгляда. Твой образ высечен в моём сердце навечно.

Он умолк, ненадолго задумавшись о чём-то своём.

— Я очень сильно по тебе тосковал и никогда не забывал. Никогда...

Преодолевая жуткое сопротивление тела и совершая огромные физические усилия, Халид подкатил кресло ко мне и попытался непослушной рукой коснуться моих пальцев. Я посмотрела на него с болью, сожалением и нежностью и, крепко зажмурившись, покачала головой:

— Халид, давай постараемся, хотя бы попробуем навсегда забыть плохое. Оставим в памяти лишь наши светлые дни.

Я опустила ладонь на его костлявую кисть, которой он из последних сил пытался держаться за мою руку.

— Спасибо тебе за щедрость твоей души и за моего дорогого сына. Ты всегда была светом, сказкой в моей нелёгкой судьбе, — едва слышно прошептал он, глядя на меня глазами, в которых на миг промелькнул крошечный, но яркий огонёк жажды к жизни.

Я опустилась на корточки рядом с его инвалидным креслом и бережно взялась за его холодные руки.

— Халид, я не хочу травмировать сына. Не будем говорить сейчас о том, что ты его отец. Это может сильно нарушить детскую психику, он ещё слишком мал. Я сказала ему, что ты брат дяди Басела. Получается, что ты тоже его дядя. Просто познакомьтесь. А когда вы увидите пару раз и ты станешь для него знакомым человеком, я потихонечку, осторожно объясню ему, что ты его папа.

— Как же всё по-дурацки получается... — горько выдохнул он. — Но я сам во всём виноват. Ты права, мы не должны его взволновать. Сообщим об этом позже, когда мы по-настоящему подружимся.

Халид одобрительно кивнул, с усилием сжав мою ладонь.

Вдруг из-за двери донёсся залиvistый, звонкий смех Самира:

— Басел, ха-ха-ха! — что-то там весело щебетал мой сын.

— Халид, ты слышишь? Это мой Самир веселится, — невольно улыбну

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.